

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

THE PECULIARITIES OF LANGUAGE MEANS FOR TRANSMITTING EMOTIONS IN THE PROSE OF A. PUSHKIN AND M. LERMONTOV

Zhang Yanqiu

Summary. The article is devoted to the expression and description of emotions in the prose of A. Pushkin and M. Lermontov. The particular attention is paid to the peculiarities of the transmission of emotions in the language of the authors and heroes in the works of A. S. Pushkin and M. Lermontov. The difference in the use of linguistic means of transmitting emotions in prose writers is revealed. The equivalence of the transmitting emotions in the Chinese translation is considered.

Keywords: emotion, emotions, semantics, interpretation, linguistic means, equivalence, language culture.

Чжан Яньцю

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

Yanqiu.zhang@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выражению и описанию эмоций в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Особое внимание уделяется особенностям передачи эмоций в языке авторов и героев произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Выявляется разница использования языковых средств передачи эмоций в прозе писателей. Рассматривается эквивалентность передачи эмоций в китайском переводе.

Ключевые слова: эмотивность, эмоции, семантика, толкование, языковые средства, эквивалентность, лингвокультура.

Как известно, эмоции занимают значительное место в жизни человека. Л. Г. Бабенко отмечает, что «эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они — важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [1, с. 44]. В современной лингвистике наблюдается тенденция к изучению человеческих эмоций, что нашло отражение в работах многих ученых, например, В. И. Шаховского: 1983; Н. А. Лукьяновой: 1987; Ю. Д. Апресяна: 1995; Д. О. Добровольского: 1996; Я. А. Покровской: 1996 и других. Ученые так или иначе согласны в том, что язык — это орудие эмоций. В. И. Шаховский в своей работе указывает следующие функции языка при выражении и описании эмоций: «Язык может номинировать эмоции; может описывать эмоции, при этом не называя их; может указывать на эмоциональное состояние индивида, не называя сами эмоции и не описывая их» [16, с. 19]. В работе автора также подчеркнута то, что «носители языка на подсознательном уровне обладают априорным знанием, как выразить свои эмоции: внутренние и внешние переживания» [16, с. 97]. В связи с этим можно сказать, что такого подсознательного знания у иноязычных студентов нет, поэтому для иностранных учащихся одной из сложнейших проблем является именно интерпретация различного вида эмоций и выбор подходящих средств для их выражения. Данное положение стимулировало наш интерес к выявлению особенностей языковых средств передачи эмоций в русском и китайском языках.

Обращение к творчеству А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова определяется тем, что, во-первых, оба писателя внесли большой вклад в развитие русского языка: в языке А. С. Пушкина «заклучилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он раздвинул ему границы и более всех показал все его пространство» [4, с. 14]. А М. Ю. Лермонтов, с одной стороны, как пишет В. А. Мануйлов «за свою короткую напряженную жизнь продолжил дело Пушкина» [10, с. 3], с другой стороны, как считает Л. Б. Перльмуттер, «усвоив языковую и стилистическую манеру прозы Пушкина, в ряде случаев он отступает от нее, внося свое, лермонтовское, отношение к языку» [11, с. 312]. Из сказанного выше можно предположить, что в языке прозы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова существует не только что-то общее, но и наблюдаются различия, в том числе и в языковых средствах передачи эмоций. Герои повестей данных писателей, в частности, «Повестей Белкина» и «Героя нашего времени» — люди различного эмоционального склада и социального статуса, что обуславливает особенности выражаемых ими эмоций. В исследуемых повестях обнаруживается множество единиц, служащих для выражения и описания эмоций действующих героев.

Для подробного анализа нами были взяты 2 подгруппы положительных эмоций (*любовь, радость*) и 2 подгруппы отрицательных эмоций (*горе, злость*), которые достаточно частотно передаются в названных выше повестях. Рассмотрим особенности языковых средств передачи названных выше конкретных эмоций:

Любовь

В прозе обоих писателей все лексические средства выражения любви используются в основном для передачи любви мужчины к женщине (глагол-«любить»; имена существительные- «пери», «джанечка»; имя прилагательные-«милый»), любовь женщины передается преимущественно с помощью описания действий («целовать», «бросаться кому-то на шею»).

Можно заметить, что в описании высокого чувства любви важную роль играют глаза. Для передачи высокой степени любовных эмоций А. С. Пушкин использует лексемы «огонь», «пламенный», «пылать», которые связаны с разной степенью семантики горения. Например- 1. *Черные глаза с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне* [12]. 2. *(Барышни) бросали на него (Алексея) пламенные взгляды*[12]. 3. *Молодой человек пылал равную страстию* [12]. Кроме того, можно заметить, что эти лексемы в исследуемых повестях используются в переносном значении, чтобы описать внутреннее эмоциональное состояние героев. Можно сказать, что по сравнению с толкованием в БТСРЯ, в СЯП у лексемы «восторг» присутствует значение «чувственные наслаждения любви». Это позволяет, с нашей точки зрения, говорить о том, насколько важную роль в произведениях А. С. Пушкина играет любовь.

В отличие от А. С. Пушкина, который делает акцент на выражение пылающих глаз, М. Ю. Лермонтов подчеркивает прямой и неподвижный взгляд героев («не сводить с кого глаз», «неподвижные глаза»).

Кроме того, заметим еще, что в прозе А. С. Пушкина любовь героев выражается прямо и конкретно, а у М. Ю. Лермонтова иногда наблюдается сочетание эмоции любви с грустью или горем («в задумчивости»; «зарыдала и **бросилась ему на шею**»), что обусловлено, с нашей точки зрения, сложным внутренним эмоциональным состоянием героев и собственным отношением к миру и характером самого писателя [См., 9, с. 11].

Рассмотрим далее эмоцию радости.

Радость

При описании радостных чувств в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова используется глагол «смеяться» и его синонимы — «улыбаться» и «хохотать». По этому поводу Ю. А. Кузнецов отмечает: «Внешнее проявление эмоционального состояния, обозначаемого глаголом смеяться, его интенсивность, степень самоконтроля могут варьироваться» [7, с. 18]. Как следует из сопоставления словарных дефиниций, разница в значении этих единиц заключается в степени пол-

ноты проявления действия, выразительности смеха и стилистике.

Так, в меньшей степени радостное чувство описывается глагол «улыбаться», который обозначает- улыбкой выразить чувство радости, удовольствия или иронии, насмешки; смеяться молча [14, т. 4, с. 18]: когда Печорин купил множество подарков и убедился в том, что с помощью этих подарков он сможет покорить Бэлу, *Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш*(Бэла). В наиболее высшей степени *радость* передается глаголом «хохотать» — громко смеяться [13, с. 421], заливаться смехом или гоготать. Глагол характерен для разговорного стиля [3, с. 910]. «Хохотать» употребляется в двух контекстах. 1. *«Лиза хохотала от души»* [12], потому что Алексей божился, что она лучше всевозможных «беленьких барышень». 2. *Она громко хохотала*[8, с. 201] после того как ей удалось рассердить старуху и добиться своей цели. Можно заметить, что состояние, обозначаемое глаголом «хохотать», практически не поддается контролю. А глагол «смеяться» употребляется для передачи обычного смеха и веселья, поэтому он занимает промежуточное, нейтральное положение между глаголами «улыбаться» и «хохотать»: *Лиза смеялась* [12], когда она нарядилась крестьянкой и увидела себя в зеркале.

Можно заметить, что в прозе А. С. Пушкина спектр языковых средств передачи радости намного шире, чем в прозе М. Ю. Лермонтова- это глаголы («улыбаться», «смеяться», «хохотать», «рассмешить», «обрадоваться», «развеселиться»), междометия («ой» «боже мой» «ура»), фразеологизмы («быть в духе» и «бросать в воздух чепчики»), имя прилагательное («сладкий») и другие средства выражения эмоции. В прозе же М. Ю. Лермонтова имя существительное «улыбка» употребляется с такими прилагательными, как «иронический» и «хитрый». Глагол «улыбаться» чаще всего употребляется со такими наречиями, как «лукаво» и «коварно», что подчеркивает иронию и насмешку. Описание смеха героев у М. Ю. Лермонтова в большинстве случаев употребляется с ироническим оттенком. Например: 1. *Эти слова были произнесены с иронической улыбкой.* [8, с. 134]; 2.— *А почему же вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкой.* [8, с. 13]. 3. *Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.— Вы, верно, недавно на Кавказе?* [8, с. 17]; 4. *Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головой и улыбнулся лукаво*[8, с. 19]; 5. *Но только я начинал говорить, она убежала, коварно улыбаясь*[8, с. 117].

Горе

При анализе языковых средств передачи эмоции горя мы столкнулись с сложностью по определению

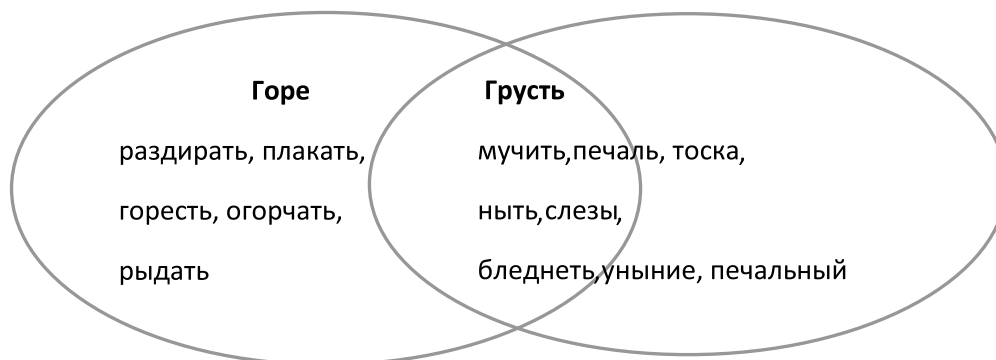

Схема 1

самой лексемы *горе*. Это связано с тем, что для толкования данной эмоции в словарях используется много сходных по значению слов таких, как: скорбь — глубокая печаль, горесть [3, с. 749]; страдание — физическая или нравственная боль, мука [3, с. 801]; беда — очень большая неприятность, несчастье, горе [3, с. 136]. Поэтому объединив значение данных единиц мы предполагаем следующее определение: *горе* — это подавленное эмоциональное состояние, вызванное определенными событиями (беда, несчастье, утрата, гибель близкого/дорогого человека и другие), в результате чего кому-либо наносится эмоциональный ущерб. Данное определение предполагает, что для отнесения тех или иных лексем к средствам передачи эмоции *горя* необходимо в первую очередь учитывать ситуацию, в которой находится герой. С точки зрения К. Изарда, «горе является сложной структурой, включающей фундаментальные эмоции и эмоционально-когнитивные взаимодействия». При этом считается, что в переживании горя ведущее место принадлежит грусти, страху и т.д. [6, с. 264]. Соответственно, лексические средства передачи *горя* и *грусти* иногда пересекаются, что отражено в *схеме 1*. В таких случаях важную роль для трактовки эмоций играет контекст.

В повестях А. С. Пушкина эмоциональное проявление *горя* свойственно преимущественно героиням «Повестей Белкина». А. С. Пушкин «генеально выбирает языковые средства, соответствующие выражению эмоций разных героев» [5, с. 142]. Например, в такой ситуации: Когда Марья Гавриловна тайком решила покинуть своих родителей, *Марья залилась слезами* (Метель). Чтобы описать горе Марьи, А. С. Пушкин использует словообразовательную модель *за-глагол-ся*, которая указывает на интенсивность действия [2, с. 48]. А горе отца, который потерял свою единственную дочь, подчеркивается практически полным отсутствием слез. *Слезы навернулись на глазах*[12], когда старик-смотритель попросил Минского вернуть ему дочь. Можно сделать вывод, что в одной и той же ситуации, русские мужчины по срав-

нению с женщинами эмоционально более сдержанны. Это связано с русской традицией: с детства в русских мальчиках воспитывали умение держать себя в руках. Поэтому, став взрослыми мужчинами, они уже умеют скрывать свои слезы от окружающих. Кроме того, прослеживается частотность употребления глаголов «ныть» и «раздирать», например: 1. *Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть*[12], потому что старик осознал, что уехала своя дочь. 2. *Их (отца и матери) нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобой, Маша? Не больна ли ты, Маша? раздирали ее сердце*[12]. В данных контекстах описывается внутреннее состояние человека и его самочувствие, что обычно предполагает употребление существительного «сердце» — своеобразного символа человеческой эмоциональности.

В прозе М. Ю. Лермонтова наблюдается частотность выражения *горя* с помощью лексем со значением «смерть», например: «умереть», «смертельный», «мертвый» которые выражают высокую степень горестного чувства. Например: *Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом*[8, с. 10]. Азамат очень хотел приобрести коня, но Казбич отказался продать его. Данная лексема употребляется для выражения сильного духовного состояния, то есть если Казбич не продает ему коня, то ему будет так плохо, что он даже умрёт от *горя*. Еще пример: *Я бы на его месте умер с горя*[8, с. 33]. В обоих примерах степень проявленного горя достаточно высока.

Аналогичную роль также играют сравнения, которые усиливают интенсивность выражения *горя*, как и воздействующий эффект всего текста в целом («бледный как полотно», «лежать ничком, как мертвый»). Согласно толкованию словаря «бледный как полотно» обозначает — очень бледный (отъ страха, волнения) [15, с. 31]. Но в нашем контексте, данное выражение употребляется именно для описания внешнего проявления горестного эмоционального состояния героя: *Он сделался*

бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей [8, с. 40]. Потому что сильно мучилась Бэла, которая скоро умрёт. Нам кажется, что эмоциональное состояние героя является сложным, он испытывает в этом случае не только страх, но и одновременно огорчается. Сравнение «лежать ничком, как мертвый» наиболее точно, как нам кажется, выражает высокую степень грусти и страдания Казбича, потому что он потерял свою любимую лошадь: *я велел возле его (Казбича) положить деньги за баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый* [8, с. 28].

Остановимся далее на выражении и описании еще одной эмоции.

Злость

На основе анализа материала можно заметить, что для передачи *злости* оба автора используют не так много эмотивной лексики, которая непосредственно способствует подчёркиванию семантики лексемы *злости*, оба автора используют в большинстве случаев иные средства для описания проявления данной эмоции: действия, мимику и жесты героев в конкретных ситуациях. Поэтому при анализе материала мы обращали внимание в первую очередь на описательные особенности той ситуации, в которой герой испытывает раздраженно-враждебное чувство.

В повестях А.С.Пушкина в качестве лексических средств выражения *злости* в речи героев использованы междометие «эка» и глагол «возненавидеть». Среди лексических средств описания *злости* наибольшая часть принадлежит существительным («зло», «гнев», «бешенство», «дьявол»). При этом интересно выявить разницу между данными лексемами. «Зло»- «Отрицательное нравственное начало, противопоставляемое добру, благу. Что-н. дурное, греховное, вредное» [14, т. 2, с. 148]: *«Полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня (Сильвио), как на необходимое зло»* [12], потому что Сильвио был первым буйном в армии. Поэтому, на наш взгляд, «зло» — конечная негативная оценка чего-либо, из-за последствий для человека.

В двух контекстах автор использует синонимы «гнев», «бешенство» [13, с. 113]. Как следует из сопоставления словарных дефиниций, разница в значении этих единиц заключается в степени полноты проявления действия. В меньшей степени *злость* выражает слово «гнев» — «чувство сильного возмущения, негодования» [14, т. 4, с. 716]: когда смотритель попросил Минского вернуть дочь, *«Минский, увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева»* [12]. По сравнению с лексе-

мой «гнев» в большей степени *злость* выражает слово «бешенство» — «крайняя степень раздражения, злобы» [14, т. 1, с. 97]. «Бешенство» употребляется в следующем контексте: *«Офицер в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио»* [12], когда офицер взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным, а Сильвио взял мел и записал снова, что взбесило офицера.

Кроме того, в текстах «Повестей Белкина» нами обнаружены случаи, когда *злость* описывается лексическими средствами, которые сами не являются эмотивными (существительные «дьявол» и «враг»). Но анализ контекста и толкование данных лексем в словаре позволяет нам отнести их к лексическим средствам для описания злости героев. По толкованию слово «дьявол»- «1. По религиозным представлениям, чёрт, сатана, злой дух. 2. Бранное слово» [14, т. 1, с. 763–764], т.е. с его помощью полностью можно выразить чувство раздражения- когда Сильвио узнал, что его враг еще жив, *«сверкающие глаза и густой дым, выходящий из рту, придавали ему вид настоящего дьявола»* [12]. При этом автор для усиления описания добавляет прилагательное — «сверкающий», которое обозначает «проявляющийся, обнаруживающийся с большой силой, выразительностью» [14, т. 3, с. 344].

В другом контексте — *«Проезжающий смотрит на него (смотрителя), как на врага»* (Станционный смотритель). Автор использует сравнение и существительное «враг», которое обозначает «ненавистник, противник» [14, т. 1, с. 379], что соответствует толкованию слова *злость*- враждебное состояние. Соответственно, можно отнести его к средствам передачи злости в данной ситуации.

В большинстве случаев для выражения *злости* в конкретной ситуации используется сочетание лексических средств (одновременно глаголы и существительные, а также описание мимики, жестов, действий): *«стиснув зубы»; «схватив старика за ворот»; «Он (смотритель) сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел.»; «Сильвио бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке»*[12]. В данных контекстах эмоциональное состояние героев передается только с помощью описания внешнего проявления, что отражает точность описания эмоций А.С.Пушкина и особенность его языка.

В отличие от А.С.Пушкина для описания эмоции *злости* своих героев М.Ю.Лермонтов преимущественно использует глаголы: «сердиться», «вспыхнуть», «завреветь», «завизжать». Из этих глаголов более частотен глагол «сердиться». Можно заметить, что глаголы за-

нимают самое важное место при передаче злости. Для выражения эмоции злости у М. Ю. Лермонтова особую роль играет именно тембр голоса, а не выражение глаз, как у А. С. Пушкина.

Надо отметить, что критерии и нормы понимания и употребления данных исследуемых эмоций (*любовь, радость, горе, злость*), значимых концептуально, часто имеют существенные национальные отличия и обусловлены определённой культурной спецификой, в частности, в русской и китайской картине мира, у китайских студентов возникают естественные трудности при понимании эмоционального поведения героев литературных произведений, в том числе и героев прозы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Остановимся кратко в данной статье на сравнение передачи эмоции *злости* в русской прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и её переводах на китайский язык.

На основе анализа материала можно говорить о том, что в большинстве случаев китайские переводчики используют эквивалентные переводы.

Но в некоторых случаях наблюдаются частично-эквивалентные переводы. Приведем такой пример: *Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом... Азамат вспыхнул* (亚扎玛特火冒三丈). Китайский переводчик вместо слова «вспыхнуть» использует фразеологизм 火冒三丈, который обозначает «пламя запылало до 3 чжан(китайская сажень, равна

3,33 метра), то есть прийти в ярость до крайности» [20, с. 788]. Можно заметить, что по сравнению с русским текстом в китайском переводе прослеживается более высокая степень выражения эмоции *злости*.

А также существуют неэквивалентные переводы, например: *Офицер в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио*. Вместо лексемы «бешенство» китайский переводчик использует фразеологизм 气急败坏, который обозначает- Офицер задыхался от злости, испытывая крайнее затруднение/ в старшном замешательстве [19, с. 1001]. Заметим, что по сравнению с русским контекстом, фразеологизм «气急败坏», который используется в китайском переводе, делает степень проявления эмоции злости интенсивнее. С его помощью переводчик выражает свою отрицательную оценку поведения офицера. В китайском древнем произведении написаны такие манеры поведения: «Человек может получить успех только тогда, когда он способен терпеть и быть снисходительным» [21, с. 9], «Человек должен разумом контролировать свое раздражение» [22, с. 48]. То есть при переводе языковых средств передачи эмоций переводчики иногда используют языковые средства, сходные по значению с русскими лексемами, но несущие другую эмоциональную окраску (подобные выводы из сравнения выражения и других исследуемых выше эмоций отражены в наших статьях, указанных в список литературы 17, 18). Это определяется национальным мышлением и традициями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. — 184 с.
2. Барыкина, А. Н., Добровольская, В. В. Изучаем глагольные приставки. — СПб.: Затуост, 2009. — 252 с
3. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норринт, 1998. 1536 с.
4. Гоголь Н. В. Сборник «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя». СПб. Часть 1. 1835.-287 с.
5. Горшков А. И. Все богатство, сила и гибкость нашего языка. А. С. Пушкин в истории русского языка: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. — М.: Просвещение, 1993.-176 с.
6. Изард К. Эмоции человека. М., 1980. — 954 с.
7. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира // Автореферат. — СПб, 2005. — 23 с.
8. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. СПб.: Академический проект, 1996. — 369 с.
9. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Советская Энциклопедия». М.: Советская Энциклопедия, 1981. — 746 с.
10. Мануйлов В. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтов 1958. 43 с.
11. Перльмуттер Л. Б. Язык прозы М. Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый / Под ред. Н. Л. Бродского, В. Я. Кирпотина, Е. Н. Михайловой, А. Н. Толстого. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 310–355.
12. Пушкин А. С. Повести Белкина [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/89/p.1/index.html> (дата обращения: 2018).
13. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова Печатное издание М.: Русские словари, 1999. Перевод в текст и вычитка (С) Александр Ильин, 2003. — 433 с.
14. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000.
15. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей. Под ред. А. И. Молотков. — 4-е изд. М.: Русский язык, 1986. 543с.
16. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.

17. Чжан Яньцю Лексические средства передачи эмоции горя в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина и их китайские аналоги// Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. № 34 (2017): — СПб., 2017—246 с.
18. Чжан Яньцю Лексические средства передачи любви в в прозе М. Ю. Лермонтова (на фоне китайского языка)// Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2018. № 7. Ч. 2. С. 417—421. ISSN1997—2911.
19. 成语大词典 北京：商务印书馆 2013.— 1568с. (Большой фразеологический словарь китайского языка. Пекин: Коммерческое книгоиздательство, 2013. 1568 с.).
20. 现代大俄汉词典 北京：外语教学与研究出版社 · 1998.-1314с (Новый большой русско-китайский словарь. Пекин: Преподавание и исследование иностранных языков, 1998. 1314 с.).
21. 尚书 作者不详 华艺出版社 编辑 袁堂欣 2010298页 (Шаншу. Под ред. Юань Тансин, автор неизвестен, 2010. 298 с.).
22. 心术 北宋 苏洵商务印书馆 2009—77с. (Синьшу, династия Бэйсун. Сусюнь. Пекин: Коммерческое книгоиздательство, 2008. 77 с.).

© Чжан Яньцю (Yanqiu.zhang@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет